

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВИСТИКИ

Коммуникация науки и общества в лингвистической перспективе: современная философия науки и ситуация «ПостИстины»

Communication between Science and Society from a Linguistic Perspective: Contemporary Philosophy of Science and the Situation of 'Post-Truth'

DOI: 10.12737/2587-9103-2026-15-1-7-16

Получено: 14 декабря 2025 г. / Одобрено: 12 января 2026 г. / Опубликовано: 26 февраля 2026 г.

А.В. Романтовский

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8545-7891>, Researcher ID: GSI-5781-2022, e-mail: rav8732@mail.ru

A.V. Romantovskiy

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Department RFL, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka str., 38, build. 1, Moscow, 119034, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8545-7891>, Researcher ID: GSI-5781-2022, e-mail: rav8732@mail.ru

Аннотация

Коммуникация науки и общества в эпоху цифровой революции ставит перед исследователями новые задачи. В частности, лингвистике необходимо учитывать современный взгляд философии науки и медийный статус научной коммуникации. В этой связи целью данной статьи является обзор актуальных векторов рассмотрения научно-медийной интердискурсивности. Анализ и синтез зарубежных и отечественных концепций взаимодействия науки и общества позволяет говорить о новом лингвистическом параметре данной сферы общения – категориальной ситуации «ПостИстины». Выявлен ряд её ключевых коммуникативных признаков. Среди них формирование смыслообразующего института, получившего философское определение «цифровой Левиафан» (ИИ, нейросети). Машинный подход к смысловому единству «Истина/Ложь» (как к бинарному коду «0/1») отделяет научную Истину от Знания как такового и ставит её в зависимость от синхронизирующего параметра «Современность». В триединстве моделей научной коммуникации «Дефицит – Диалог – Участие» это приводит к ряду последствий. Наука «разгерметизируется» в пользу медийных коммуникативных ролей учёных под влиянием иконичности виртуальной среды, аудитория же утрачивает способность к диалектическому мышлению, получая контент в соответствии с собственными предпочтениями. Такой тип диалога точно назван исследователями «имитационно-конвенциональным». Главным методологическим выводом лингвистики в этой связи, на наш взгляд, должно стать внимание к эпистемической модальности научно-популярных высказываний, к новой прагматике разграничителей и кванторов «Истина/Ложь».

Ключевые слова: коммуникация науки и общества, медийность научной коммуникации, интердискурсивность науки и медиа, категориальная ситуация «ПостИстины», эпистемическая модальность.

Введение

Коммуникация науки и общества в последнее время становится объектом пристального внимания философов, социологов, культурологов, когнитивистов и исследователей медиа. Глобальная информационная сеть, выработавшая множество форм социальной интеракции, пополнилась разнообразными видами научно-популярной коммуникации. При

Abstract

Communication between science and society in the era of the digital revolution poses new challenges for researchers. In particular, linguistics must take into account the contemporary view of the philosophy of science and the media status of scientific communication. In this regard, the purpose of this article is to review the current vectors of consideration of scientific-media interdiscursivity. Analysis and synthesis of foreign and domestic concepts of science-society interaction allow us to speak of a new linguistic parameter in this sphere of communication: the categorical situation of 'Post-Truth.' A number of its key communicative features have been identified. Among them is the formation of a meaning-forming institution that has received the philosophical definition of 'digital Leviathan' (AI, neural networks). The machine approach to the semantic unity of 'Truth/Falsehood' (as a binary code '0/1') separates scientific Truth from Knowledge as such and makes it dependent on the synchronising parameter 'Contemporaneity'. In the trinity of scientific communication models 'Deficit – Dialogue – Participation' this leads to a number of consequences. Science is 'depressurised' in favour of the media communication roles of scientists under the influence of the iconicity of the virtual environment, while the audience loses the ability to think dialectically, receiving content in accordance with their own preferences. This type of dialogue is accurately called 'imitative-conventional' by researchers. In our opinion, the main methodological conclusion of linguistics in this regard should be to pay attention to the epistemic modality of popular science statements, to the new pragmatics of delimiters and quantifiers 'True/False'.

Keywords: communication between science and society, media coverage of scientific communication, interdiscursivity of science and media, categorical situation of 'Post-Truth', epistemic modality.

этом, судя по содержанию крупнейших медийных платформ, правомерно отметить, что институциональное и частно-публичное авторство приобрело сопоставимые масштабы влияния на массовую аудиторию. Популяризация научных знаний, синхронизация с новейшими открытиями, безусловно, обладает фундаментальным социоконструктивным эффектом. Данный факт способствует тому, что со-

временная лингвистика продолжает обращаться к феномену интердискурсивности науки и массмедиа с учётом уточнённых философских и междисциплинарных оснований. Рассмотрим тенденции данного направления исследований.

Обзор наукометрического пространства показывает, что к настоящему моменту осуществлён ряд крупных исследовательских проектов, акцентирующих внимание на коммуникации науки и общества.

Прежде всего, следует упомянуть осуществлённый при поддержке Российского научного фонда НИР «Трансдисциплинарная концептуализация научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы». В рамках НИР был издан комплексный труд «Русского общества истории и философии науки» 2024 г. [10]. Резюмируя итоги научного конгресса «Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире» в одноимённом сборнике, авторы задают определяющие векторы взаимодействия заглавных факторов в формировании интересующего нас коммуникативного процесса.

Кроме того, итоги исследований в рамках вышеупомянутого НИР нашли отражение в серии журнальных публикаций. Коммуникация науки и общества рассматривается в них системно и многомерно.

Наиболее общий философский и науковедческий базис заявлен в статьях, освещающих: научное развитие сквозь призму эволюционной динамики знаний [7], коммуникативные и эпистемологические условия производства и распространения научного знания в современности [14], модели коммуникации науки в обществе [21].

Вместе с тем многие авторы углубляются в существенные детали процесса. Так, А.М. Жаров, делая междисциплинарный шаг в лингвокогнитивном направлении, актуализирует тему метафоры как фактора эволюционной изменчивости научных теорий [7]. Т.Д. Соколова выделяет такой коммуникативный параметр, как «эпистемическая несправедливость» [19].

Также к фундаментальным проектам в рассматриваемой исследовательской области с позиции междисциплинарного интереса медиалингвистики следует отнести коллективную монографию «Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые техники» [Дускаева и др., 2023]. Упомянутый научный труд объединяет обращение к наиболее острой форме научной коммуникации — полемическому столкновению мировоззрений, моделей, их вербальной экспрессии.

Методы

Исходя из текущего состояния изучения темы, очевидно, что междисциплинарный диалог о коммуникации науки и общества в высшей степени ак-

туален, однако далеко не все компоненты данного процесса моделируются в лингвистических работах. Философия науки, в свою очередь, обращаясь к языковым и коммуникативным факторам исследуемой области, не всегда в полной мере отражает полноту их роли.

В этой связи целью нашего исследования станет применение достижений современной философии науки к лингвистическим моделям коммуникации науки и общества. Частными задачами станут обзор междисциплинарного потенциала вышеназванных научных проектов и его применение к уточнению медиалингвистических и иных коммуникативно-ориентированных параметров философии диалога науки и общества.

В ходе исследования будут задействованы методы наблюдения, описания, классификации, анализа и синтеза, обобщения. Коммуникативно-прагматический и функционально-семантический подходы к вербальной составляющей рассматриваемого процесса позволят уточнить факторы, определяющие лингвистический инструментарий для развития данного направления исследований.

Теоретическая значимость работы состоит в экстраполяции современных постулатов философии науки на лингвистическое моделирование процесса коммуникации науки и общества. Соответственно, полученная модель сможет стать основой для практического применения в анализе научно-популярных медиатекстов конкретной направленности, в уточнении методики преподавания дисциплин, пользующихся данным материалом, в рамках различных дисциплин гуманитарной сферы.

Обзор литературы

Выделим основные подходы и направления исследований в рамках философии науки, обладающие потенциалом расширения собственно лингвистических моделей в сфере научно-медийной интердискурсивности. Подобный обзор позволит применить имеющиеся науковедческие и философские модели к уточнению и, возможно, пересмотру некоторых компонентов модели массмедийной научной коммуникации.

1. Вектор рефлексии научной методологии и внутринаучной коммуникации на фоне социальных тенденций

Данный блок статей раскрывает проблемы научного моделирования на фоне неопределённости и анализ теоретико-практического описания данной ситуации [4; 5; 19]; семиотику теоретического знания [3]; отражение в научном дискурсе эксперимента [12]; технологии доступа к научным знаниям и влияние науки на культуру цифрового уклада [22; 25].

Особого внимания заслуживает и постулирование феноменологически парадоксальной для научного познания коммуникативной ситуации, в котором оно функционирует – ситуации «ПостИстины». В частности, авторы затрагивают такие её составляющие, как трансформация диалога как способа познания [Бабина, 2024]; нормативность научной истины в современных конвенциях [15]; симулятивно-игровые способы формирования постистины (И.В. Рузанов); и, конечно, профилактика распространения псевдонаучных идей (Р.А. Денисов) [10].

2. Вектор рефлексии коммуникации в основных дисциплинарных сферах

В этой части закономерно выделение **естественно-научного, математического и социогуманитарного** дисциплинарных кластеров.

В первом кластере проблемы коммуникации затронуты в таких темах, как точность определения жизни в онтологии живых систем, уточнение эволюционного понятия изменения и метафора эволюционных связей (А.Д. Кручинин, А.Е. Симбирцева, Ю.В. Хен); концепт древних курганов с позиции биосемиотики (У.С. Струговщикова); онтологический смысл квантовой механики и объяснение квантовой реальности (С.Н. Жаров, А.К. Жуковский); постановка проблемы универсального экологического подхода (Е.В. Петрова); трансформация исследовательских структур в сетевом обществе и ускоренная историзация научного знания (Ю.В. Черновицкая, И.О. Щедрина) [10].

Во втором, математическом, кластере коммуникативный ракурс наблюдается в трудах о феноменологическом анализе развивающихся математических понятий (А.Н. Кричевец); концепция обоснованности доказательства в математической практике (А.В. Хлебалин); образы математики как предмет социально-философского осмысления (В.А. Шапошников) [Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: 2024].

Третий, социогуманитарный кластер, очевидно, содержит более разветвлённую систему охвата проблем коммуникации науки и общества. Наибольшей репрезентативностью, на наш взгляд, обладают исследования, посвящённые: трансформации коммуникации (М.А. Ермошина) и сопряжённым с ней вопросам ситуации отчуждения и феномена инакомыслия [8; 20]; проблемам неопределённости как способу измерения субъектности, границ аутентичности, идентичности человека в цифровом мире и «суперсогласования» социальности, субъектности и цифровизации (С.В. Борисов, М.Н. Карашук, А.А. Лисенкова, Г.Л. Тульчинский); наконец, даже научной дипломатии (М.В. Шугуров) [10].

3. Вектор освещения публичной, массмедийной научной коммуникации

Актуальность переоценки системы коммуникации науки и общества в наибольшей степени прослеживается в данном кластере. Отталкиваясь от массмедийного измерения, исследователи касаются таких важных аспектов темы, как понятие научного мифа (З.В. Бояркин) и резонирующие с ним вопросы образа науки и учёного (Н.Н. Воронина), символического капитала данной социокоммуникативной роли (Е.Г. Шкорубская), проблемы публичности как суррогата доказательности (И.С. Дмитриев) и публичной провокации в науке (А.А. Собка) [10].

Организационно-технологической стороне коммуникации науки и общества отдан приоритет в работах, сосредоточенных на распределении научного знания в аспекте коллективной ответственности научного сообщества (А.С. Милославов) и с точки зрения всё более значительной роли технических агентов (Е.Э. Чеботарёва), формирования электронного пространства публичной научной коммуникации (Д.Е. Прокудин) и расширения её границ (А.В. Сахарова) [10].

Также уделено внимание фундаментальным философским основаниям происходящих перемен: этике искусственного интеллекта в научной коммуникации (К.С. Петров), критериям понимания между актёрами процесса общения (М.А. Сорокина), проблемам концептуальной неопределённости (Л.В. Шиповалова) и парадоксу критического мышления (О.А. Шапиро) в публичном пространстве, а также уточнению самой потребности в диалоге подобного характера (Ю.В. Шапошников) [10].

Синтезируем основные наблюдения в рамках выделенных направлений исследований с помощью лингвистического понятия «категориальная ситуация».

Результаты

Предлагая основную теоретическую модель на основе произведённого исследования, воспользуемся известным термином «категориальная ситуация» (КС). Как отмечал А.В. Бондарко, «КС – это выражаемая различными языковыми средствами типовая содержательная структура, ... представляющая собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации [2, с. 21–22]. На наш взгляд, данный термин наиболее точно соответствует междисциплинарному масштабу философии науки и теории коммуникации. Будучи связанным с модальной основой высказывания в заданных фреймовых, сценарных, интенциональных рамках, понятие «категориальной ситуации» наилучшим образом интегрирует обобщённое философами науки состоя-

ние «ПостИстины». Сразу оговоримся, что речь не обязательно идёт о синтетической реальности нейросетей или о злонамеренно создаваемых фейках. Хотя, безусловно, эти технологические и медийные явления соприсутствует в данной категориальной ситуации.

Оксфордский словарь трактует понятие «post-truth» как преимущественно политическое. Морфологически оно относится к разряду имён прилагательных, что сообщает ему широкую признаковую валентность: от состояния общества к отдельному высказыванию и т.д. Само определение подаётся так: *relating to circumstances in which people respond more to feelings and beliefs than to facts*. Ситуативный пример как раз задаёт параметры категориальной ситуации: *In this era of post-truth politics, it's easy to cherry-pick data and reach any conclusion you like. Compare fake news*.

Каковы же признаки и свойства обобщённого социального конструкта под названием «ПостИстина»? Ещё в работе [28], на которую активно ссылаются отечественные авторы, зафиксирована принципиальная дополнительность понятия Истины как метатеги науки. Примечательно, что Истина встраивается в более высокоуровневый системно-коммуникативный процесс, сопологаясь Знанию и Новизне. Знание определяет предметную основу научной коммуникации, а Новизна обозначает темпоральную синхронизацию открытия. Истина при этом выступает в качестве социально признанного в определённой временной точке научной коммуникации Знания. Н.Н. Погожина обобщает данную модель в положении об «интерсубъективности воспроизводства и считывания научных знаний» [15]. Осмысляя подобный тезис, необходимо прямо сформулировать, что Истина оказывается в ситуации перманентной коммуникативной проблематизации. Будучи встроена в двоичную кодирующую систему «Истина — Ложь», она оказывается одним из необходимых, но не достаточных, полюсов кодирования Знания и его темпоральной актуализации. То есть в аспекте кодирования и реактуализации Знания экстремумы Истины и Лжи не только равноценны, но и равно необходимы. Кроме того, важнейшая идея Другого философии XX в. переводит кодирующие противоположные элементы из логического в экзистенциальный статус. Популярный пример — белые и чёрные лебеди: один из релевантных истинностных признаков перестаёт быть таковым, если возможно существование анти-примера. Наличие данных факторов означает выход в комплексную, нелинейную логику выстраивания новой категориальной ситуации и её модального поля.

На наш взгляд, подобную модальность, порождённую интерсубъективностью, было бы закономерно

осмыслить в некоей комплексной (сетевой, полевой, голографической) модели. Однако этому противоречит, например, сделанное в русле той же концепции обобщение о том, что научное знание как эволюционно успешная форма коммуникации проявляется прежде всего в «инстинктивной прозорливости», «неструктурированности» и «инсайте» [30]. Но подобный опыт всегда субъективен, хоть и строится на не всегда осознаваемой интерференции образов, когнитивных операций, кодирующих систем.

Возможен ли синтетический взгляд на подобный парадокс субъектности и интерсубъективности? Н.Н. Погожина, поставив задачу свести зарубежные концепции о категориальной ситуации ПостИстины к единым постулатам, отмечает, что «необходимо определить широкий круг конвенциональных допущений коллективно познающего субъекта, принятых как бы «по умолчанию», но операционализирующих все процедуры и шаги по выработке знания, отнесения к коду истина/ложь и т.д.» [15]. Экстраполируя данное утверждение на модель коммуникации науки и общества, можно говорить о том, что «круг конвенциональных допущений коллективно познающего субъекта» проявляется в пресуппозициях и импликациях. А рецепция соответствующих процедур по выработке знания, работа с кодированием концептуального единства «истина/ложь» — отдельная задача синхронизации понимания адресанта и адресата.

Среди основных задач исследователей в «бифуркационный период постистины» Н.Н. Погожина выделяет следующие:

- рассмотрение совокупности магистральных предикатов современного общества в социально-философской перспективе (их сетевой, информационный характер и др.);
- оценка влияния означенных свойств на возможности и ограничения в выработке и распространении научного знания, обозначение процессов конвергенции и дивергенции научной коммуникативной подсистемы с внешней средой — обществом, а также иными коммуникативными подсистемами (политикой, экономикой и др.) [15].

Из вышесказанного очевидно, что модель коммуникации только осложняется необходимостью дополнительных координационных действий. Но тогда не сводится ли категориальная ситуация «ПостИстины» к ризомной, нивелирующей кодирующее разграничение «Истины/Лжи» игре постмодерна? Возможен ли в постулируемой интерсубъективности диалог?

На эти вопросы пытается ответить работа Д.А. Бабиной. Исследователь отмечает, что в эпоху «ПостИстины» диалог заменяется псевдодиалогом.

Условиями подлинности первого исследования считается чёткость критериев интерпретации истинности и схождение сторон в оценке её обоснований. В противном случае диалог приобретает «имитационно-конвенциональный характер» [Бабина 2024, с. 874]. Соглашаясь с ходом рассуждений Д.А. Бабиной, отметим, что уравнивание позиций, обладая видимостью снятия конфликтной напряжённости, одновременно означает, что само взаимодействие точек зрения в обществе больше нерелевантно. То есть Истина экстрагирована в системные механизмы, для которых диалог данных субъектов уже не имеет значения и не определяет её функциональность. «Плюрализм, релятивизм, открытость, незавершённость» [Бабина 2024, с. 874] науки утрачивают свои диалектические «тени», которые можно выразить англоязычным *anything goes*. Однозначным, недialeктическим качеством становится так называемая «современность». Таким образом, Истина превращается в «меню» Знаний, из которого по той или иной необходимости при помощи недialeктического переключения кодирующей пары «Истина/Ложь» можно создавать «современную» имитацию диалога.

Каковы в этой связи признаки подлинного диалога? Автор, ссылаясь на многочисленные работы зарубежных и отечественных учёных, выдвигает на передний план: 1) согласованность высказываний через единую истинностную оценку; 2) внимание к разграничителям «Истина/Ложь»; 3) внимание к процедуре обоснования собственной позиции, критическому осмыслению позиций и их анализу; 4) ответственность и напряжённость развёртывания творческого потенциала собственной позиции [Бабина 2024, с. 874].

Однозначным разграничителем в бинарной системе «истина/ложь» должен сопоставляться развитый инструментарий работы с неопределённостью таковых. А.В. Голубинская, например, указывает на несколько важнейших для учёта популяризаторами аспектов её проявления: 1) неопределённость при масштабировании контекстов; 2) неопределённость в результате контакта с ненаучными контекстами; 3) неопределённость при пересечении отдельных научных дисциплин или систем научных областей [4, с. 26].

Произведём синтез категориальной ситуации коммуникации науки и общества с точки зрения лингвистического моделирования. Заявленная теоретическая процедура требует чёткого отграничения, с одной стороны, основных акторов, коммуникантов и установления характера действующих связей между ними, с другой. Ключевые положения обзора делают очевидным тот факт, что никакой «прямой»

коммуникации между научным сообществом и социумом в его массовом измерении быть не может. Посредующим компонентом в данном процессе является сетевая структура, инфокоммуникационная сеть. Интернет в этом смысле практически универсален на фоне возможного множества закрытых сетей. Учитывая данное исходное положение, сформируем ряд постулатов.

1. Научное сообщество как один из коммуникантов априори асимметрично иным подсистемам в части обладания научным знанием.
2. Способы хранения и передачи научного знания в Сети (файлы, их конвертация на открытых платформах, доступ нейросетей к большим данным науки) разгерметизируют науку как социальный институт и размывают его границы.
3. ИИ, программные инструменты и конвертируемость данных обезличивают и дезаворируют научное знание.
4. Учёный становится «нейроном», который без публичного образа не обладает способностью транслировать личностно-целостную модель знания в системе «наставник — ученик». Когнитивно-вербальные паттерны принципиально отчуждаемы и рекомпилируемы в любом пропозиционально-модальном и ценностном ключе.
5. В аспекте популяризации научного знания можно пользоваться термином «когнитивный адаптатор». Под ним подразумевается медиатизация научного знания в поликодовом формате.
6. Иконические и символические знаки обращаются в рамках данной модели к разным каналам восприятия реципиента. Иконическая визуальность задействует эмоции с опорой на алгоритмы и большие данные. Символическая знаковость адресована абстрактно-вербальному мышлению реципиента. Однако требует личностно-сформированного навыка самостоятельной концептуализации.
7. Системно-коммуникативная теория, абсолютизирующая сетевой характер общества, допускает моделирующую редукцию. В триаде «среда — наблюдатель — различие» (коммуникативная ситуация — коммуникант — когнитивно-вербальные механизмы и средства коммуникации) идеализированно и неправоммерно центрируется понятие «истины». В качестве инструмента различения в таком медиуме предлагается бинарный код «истина/ложь», в котором дублируется внеразличительный абсолют медиума. На фоне категориальной ситуации «ПостИстины» данная модель выглядит механистичной и расщеплённой. Истина отделена от Знания и зависит от медийных инструмен-

тов их синхронизации. Кроме того, не в полной мере учитывается фактор неопределённости, подкрепляемый взаимодополнительностью сфер и контекстов.

8. Точкой отсчёта в системе коммуникации науки и общества может быть условное Настоящее научной и повседневной картин мира отдельных личностей, его кодирование и синтез в масштабах инфокоммуникационной Сети. Это центр, 0 (ноль), системы координат общения, диалектически соответствующий потенциальной бесконечности познания (∞). Почему это так? Неохватность, недоопределённость текущей картины мира личности соответствует масштабам возможностей познания. Сетевое хранилище знаний в этой связи является дополнительным конечным множеством с бесконечным количеством связей, в том числе семантических. И одновременно операциональной средой рекомбинации Знания в символах с помощью ИИ. С вышеупомянутым параметром неопределённости в виде непонимания «цифрового Левиафана».
9. На фоне точки отсчёта любое значимое высказывание является единицей нового различения в рамках принятых правил семиозиса (1), взятой по модулю. Принятие реципиентом данного высказывания за истинное или ложное в совокупности знаний его картины мира дополнит модуль знаками «+» или «-».
10. Языковые системы не должны упрощаться до бинарности машинного кода. Но каждое высказывание в его пропозиционально-модальной целостности и прагматическом измерении в рамках категориальной ситуации опирается, как минимум, на вышеобозначенную тернарность:
 - 0 (точка отсчёта картины мира, открытой в ∞);
 - 1 (модуль нового высказывания как апелляция к картине мира с целью её коррекции в определённом направлении);
 - диалектическая соотнесённость условных «+» и «-» как таких параметров рецепции, которыми коммуникант оценивает истинность и сопутствующие качества предлагаемого высказывания.

Особую значимость в языковом измерении модели приобретает эпистемическая модальность высказывания. А также иные языковые средства, служащие разграничителями, кванторами учёта «истинности/ложности» и степени неопределённости информации в конкретном контексте. На наш взгляд, неотражение данных процессов в современной лингвистике, рассматривающей научную медиакоммуникацию будет только усугублять категориальную ситуацию, которая замыкается на «ПостИстине».

Дискуссия

Коммуникация науки и общества в социогуманитарной перспективе

Особенности сложившейся категориальной ситуации коммуникации науки и общества в социогуманитарной перспективе представляются нам основополагающими. Они задают ключевые векторы взаимодействия социума, его групп и коммуникативных личностей.

Так, отмеченный выше фактор неопределённости выступает для С.В. Борисова способом измерения субъектности, когда, принимая какое-либо решение, человек сознательно оценивает вероятность его истинности [Борисов 2024, с. 229].

По мнению М.В. Заладиной, современный человек оказывается под угрозой пребывания в «ситуации отчуждения» от природы, общества и «собственной сущности» [8, с. 245]. Цифровая революция, безусловно, может усиливать этот эффект, заставляя человека ощущать себя неспособным когнитивно и коммуникативно справиться со скоростью научных открытий и их влиянием на его повседневную жизнь. В этой связи автор обращается к проективной социальной роли «утопического стиля мышления». Именно он, с точки зрения М.В. Заладиной, преодолевает «ситуацию отчуждения», предлагая особый «понятийный каркас» формирования ключевого для развития общества образа — образа будущего. Автор считает, что в современной социальной философии данное направление мысли прорабатывается не в той мере, какая отвечает потребностям текущего момента.

Е.Н. Ищенко обращает внимание на инструментальное господство в медиасреде визуального начала. Вытеснение вербального аспекта и образа целостного человека сопровождаются такими признаками наступления визуального, как «информационная перенасыщенность, использование «зрительного шока», апеллирование к стремительным эмоциональным реакциям» [9, с. 248]. На семиотическом поле данная проблема может быть поставлена с помощью соотнесения иконических (собственно визуальных) и символических знаков. На наш взгляд, ключевым здесь может быть следующий вопрос: допустима ли в диалоге науки и общества апелляция к суггестивным, эмоционально-иконическим средствам передачи смысла в обход рациональных схем, последовательных рассуждений?

И.И. Кеосиди затрагивает актуальный вопрос оцифровки знаний и перехода к алгоритмизации социального управления, принимая во внимание исследования зарубежных коллег. В процессе своего внедрения ИИ, нейросети частично выполняют или в целом определяют «анализ больших данных, опти-

мизацию ресурсов, прогнозирование, принятие решений» [11, с. 255]. В этих условиях индивидуальная картина мира носителя той или иной лингвокультуры сталкивается с образом «вычислительного Левиафана». И данный образ вытесняет привычные схемы понимания функционирования социума.

В этой связи медийный аспект научной коммуникации, постулирование системной ценности данной сферы в рамках философии науки становится значительным шагом вперед.

Медийный аспект научной коммуникации

Откроем обзор данного вектора формирования категориальной ситуации коммуникации науки общества с уточнения потребностей участников подобного общения. Ю.В. Шапошникова отмечает, что современная массовая потребность в знаниях и их общефилософских основаниях чрезвычайно мала. Публика не рассматривает последние как возможность упражняться в мышлении и устанавливать горизонты познания. Дополнительное знание сегодня — это, с одной стороны, фрагментированная погоня за точечным успехом, а с другой, напротив, желание эмоциональной разрядки в отрыве от потока активной деятельности. Тем самым, как справедливо отмечает автор, ссылаясь на зарубежных и отечественных апологетов «протонауки», теряется органичная связь активного и созерцательного начал подлинной философской практики [23].

Л.В. Шиповалова указывает на неопределённость в концептуализации публичной научной коммуникации и предлагает следующее видение: 1) неопределённость массовой непрофессиональной аудитории компенсируется установлением «содержания взаимодействия между учёным и непрофессионалом»; 2) неопределённость языка коммуникации учёных с публикой, смутно представляемая в виде «перевода» или даже «вульгаризации» снимается смещением фокуса на «смысл проблематизации общественной значимости науки, локальный характер актуальности в конкретной ситуации и пограничный статус включения в себя различных эпистемических позиций и средств их выражения [24, с. 720].

Способно ли в текущих условиях научное сообщество при поддержке актуальных цифровых инструментов открытой науки выступить катализатором интенсификации познания на профессиональном уровне и на уровне массового реципиента? А.С. Милославов применительно к данной стороне научного общения употребляет понятия «распределённого научного знания», «эпистемической конструктивности» и гораздо более неавтоматизируемой «эпистемической справедливости» [13]. Автор считает, что цифровые агрегаторы как хранилища и

инструменты научной легитимности, в том числе на основе показателя цитируемости, пока не способны обеспечить соблюдение вышеупомянутых критериев эффективной медиатизации науки. Самая цитируемая публикация в алгоритмически сформированной подборке оказывается наиболее *неоригинальной композицией*. Таким образом, важнейшая задача современного научного сообщества — эксплицированный подход к ранжированию и оценке значимости научных достижений.

Очевидно, что алгоритмизация в обращении к наукометрии не приводит к эпистемически конструктивному распределению знания. Какие модели коммуникации в медийной сфере предлагает в этой связи научное сообщество?

Зарубежные исследователи механизмов популяризации выделяют модели дефицита диалога/участия [27]. Рассматривая их во взаимодействии, авторы считают, что поэтапного перехода от дефицита через диалог к участию с полным отступлением от принципов и ресурсов предыдущей модели в историческом времени отмечено не было, т.е. модели сосуществуют в настоящем и обращение к ним мотивируется контекстом.

В статье Е.Г. Цуркана приведён анализ вышеозначенных моделей. **Модель дефицита** опирается на исходное представление о разрыве между научной картиной мира и социальным её пониманием. Это формирует два информационных потока — нисходящий (собственно популяризация) и восходящий (коммуникация внутри научного сообщества). Данные инфопотоки призваны взаимокорректировать друг друга. Однако именно языковой разрыв становится проблемной зоной нисходящего инфопотока. А.С. Астахова выявляет в ней наличие неточного «перевода» научных знаний на социально приемлемый язык, указывая на искажающие фильтры СМИ — сенсационность и вульгаризацию [1]. Кроме того, осложняющим фактором становится формирование снобистской прослойки потребителей научно-популярного контента, для которых престиж якобы готового, завершённого знания оказывается важнее его проблематизации и подлинного диалога.

Модель диалога стала попыткой внести «демократизацию» в коммуникацию науки и общества. Это означало, что должны были возникнуть некие равноправные позиции сторон, а основной целью, вместо просвещения и популяризации, должно было стать обоюдное доверие. На наш взгляд, политические факторы в данном случае заслонили собственно инструментальные — выработку единого языка понимания. Так называемая «патерналистская» (почему не «матерналистская», если первые разграничения в картине мира зачастую проводятся матерями?)

позиция науки — это, скорее, попытка низвести экспертов до площадного уровня трибунов, которые должны отстаивать свою позицию на уровне всех остальных социальных групп. Почему, например, в оптимизации диалога не обратить внимание на умение широких социальных слоёв формулировать вопросы, развивать собственные навыки проблематизации знаний?

Модель участия, если следовать скрытой логике данной триады, стала апеллировать к «вовлечённости» широкой общественности в целеполагание, производство и легитимацию научных знаний. Всё это должно выражаться в таких действиях, как заказ научных исследований, соучастие в их осуществлении, применение их результатов. Причём главной средой интеграции данных процессов объявляется именно медийная среда Всемирной паутины.

Резюмируя обзор описанных моделей, Е.Г. Цуркан обозначает отрицательные факторы и возвращает в проблемное поле конечную цель научного знания — поиск истины. Основным дисбалансом в эволюции моделей коммуникации науки и общества автор видит преувеличение роли инструментальных целей. Среди них создание публичного образа учёного, «разгерметизация» науки как относительно замкнутой и потому полноценно функционирующей подсистемы общества. Асимметрия в обладании знанием неизбежно возвращает любую модель участия к модели дефицита.

Н.Н. Погожина обращается к так называемой системно-коммуникативной теории (СКТ), упоминаемая в качестве основных источников Н. Лумана, Дж. Спенсера-Брауна и др. В её модели «медиумом», т.е. общей средой формирования значимых различий, научной коммуникации становится истина. При этом в основу различия кладётся бинарный код «истина/ложь», с которым мы уже встречались в данном обзоре. Как следствие научная истина приобретает временное измерение (статус открытия и

новизны информации) и социальное (требуется легитимация, «валидация» уточнённой истины обществом) [14].

П.И. Рысакова, обстоятельно анализируя эволюцию популяризации научных знаний в цифровой среде, выделяет ряд конститутивных признаков, которые можно обозначить как гипостазирование, экспансию медиатизации: в ущерб оптимизации трансляции нового содержания — извлечение пользовательских данных из повторяющихся поисковых запросов, лайков, комментариев [18]. Профессиональная журналистика, по мнению автора, с трудом может конкурировать с демократизацией создания цифровых материалов и алгоритмами их выдачи пользователю. Стратегии манифестации необоснованного альтернативного мнения и дискредитации экспертов в комментариях должны быть компенсированы, по мнению учёного повышением медиаграмотности [18].

Зарубежные исследователи в этой связи говорят об эффектах «эхо-камеры» или пузыря фильтров [32, с. 298–299]. Результатом становится высокая степень фрагментации и поляризации аудитории по параметрам её идеологических и политических убеждений [29]. Утверждённая персональными гаджетами автономия пользователя поощряет когнитивные искажения, основанные на так называемом мотивированном рассуждении — часто неосознанном поиске подтверждений имеющихся представлений без критического рассмотрения всех сторон вопроса [33, с. 13591].

На основе трех рассмотренных аспектов (философия науки и внутринаучная рефлексия, наука в социогуманитарной перспективе, медийный аспект научной коммуникации), как нам представляется, оптимально продолжать синтез модели той категориальной ситуации, в которой транслируется научное знание, а также производить лингвистический анализ данного процесса.

Литература

1. Астахова А.С. Публичная репрезентация профессионального сообщества: популяризация науки и общественные дебаты [Текст] / А.С. Астахова // *Epistemology & Philosophy of Science*. — 2013. — Т. 37. — № 3. — С. 179–189.
2. Бондарко А.В. Модальность в системе категориальных единств [Текст] / А.В. Бондарко // *Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению*: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — С. 21–34.
3. Болдин П.Н. Семиотический подход к решению проблемы статуса теоретического знания [Текст] / П.Н. Болдин // *Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире*: Сб. науч. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 20–22.
4. Голубинская А.В. Формы фиксации неопределённости в науке, или что общего у экологического кризиса и критического мышления [Текст] / А.В. Голубинская // *Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире*: Сб. науч. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 23–27.
5. Дорожкин А.М. Ситуации неопределённости в эпистемологическом конструктивизме [Текст] / А.М. Дорожкин // *Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире*: Сб. науч. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 27–30.
6. Жаров А.М. Динамика знаний: эволюционный анализ теорий научного развития [Текст] / А.М. Жаров // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. — 2024. — № 80. — С. 34–44.
7. Жаров А.М. Метафора как фактор эволюционной изменчивости научных теорий [Текст] / А.М. Жаров // *Антиномии*. — 2024. — Т. 24. — № 2. — С. 7–25.
8. Заладина М.В. Утопия как поиск человеком выхода из ситуации отчуждения [Текст] / М.В. Заладина // *Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире*: Сб. науч. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 23–27.

- ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 245–247.
9. *Ищенко Е.Н.* Теория и практика в контексте визуальных исследований: история и современность [Текст] / Е.Н. Ищенко // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 247–250.
 10. *Касавин И.Т.* Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей [Текст] / И.Т. Касавин, Н.А. Ястреб, Л.В. Шаповалова. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — 939 с.
 11. *Кеосиди И.И.* Применимость концепции «вычислительного левиафана» в контексте алгоритмизации управления социальными процессами [Текст] / И.И. Кеосиди // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 253–257.
 12. *Крутько Д.Ю.* Эксперимент в современном научном дискурсе: кластерный метод и статус реальности [Текст] / Д.Ю. Крутько // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 38–41.
 13. *Милославов А.С.* Распределенное знание, как сфера коллективной ответственности научного сообщества: коммуникативный аспект [Текст] / А.С. Милославов // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 674–677.
 14. *Погожина Н.Н.* Коммуникативные и эпистемологические условия производства и распространения научного знания в современности [Текст] / Н.Н. Погожина // Информация — Коммуникация — Общество. — 2025. — Т. 1. — С. 352–355.
 15. *Погожина Н.Н.* Нормативность научной истины: анализ современных конвенций [Текст] / Н.Н. Погожина // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 908–910.
 16. *Погожина Н.Н.* Прогресс в социогуманитарной перспективе [Текст] / Н.Н. Погожина; под ред. О.Е. Столяровой // Вопросы философии. — 2024. — № 5. — С. 219–221.
 17. *Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые техники: Коллективная монография [Текст] / Л.Р. Дускаева [и др.]. — СПб.: Медиапэпир, 2023. — 223 с.*
 18. *Рысакова П.И.* Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде [Текст] / П.И. Рысакова // Медиалингвистика. — 2022. — Т. 9. — № 4. — С. 309–329. — DOI: 10.21638/spbu22.2022.402
 19. *Соколова Т.Д.* Эпистемическая несправедливость: два взгляда на научную коммуникацию [Текст] / Т.Д. Соколова // Эпистемология и философия науки. — 2025. — Т. 62. — № 2. — С. 56–63. — DOI: 10.5840/eps202562221
 20. *Суслов И.В.* Феномен инакомыслия в коммуникативной парадигме Юргена Хабермаса [Текст] / И.В. Суслов // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 298–301.
 21. *Цуркан Е.Г.* Модели коммуникации науки в обществе: дефицит, диалог, участие [Текст] / Е.Г. Цуркан // Эпистемология и философия науки. — 2025. — Т. 62. — № 2. — С. 19–31. — DOI 10.5840/eps202562217
 22. *Черникова И.В.* О влиянии науки на культурные коды цифровой эпохи [Текст] / И.В. Черникова // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 53–57.
 23. *Шапошникова Ю.В.* Философия и общество: потребность в диалоге и проблема коммуникации [Текст] / Ю.В. Шапошникова // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 715–718.
 24. *Шиповалова Л.В.* Публичная научная коммуникация — проблема концептуальной неопределённости [Текст] / Л.В. Шиповалова // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 718–721.
 25. *Элбакян А.А.* Технологии открытого доступа к научным знаниям: ценностной аспект [Текст] / А.А. Элбакян // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сб. научн. ст. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 60–64.
 26. *Bucchi M., Trench B.* Science Communication Research: Themes and Challenges, in: Bucchi M., Trench B. (eds.) Routledge Hand book of Public Communication of Science and Technology. New York: Routledge, 2014, no. 2, pp. 1–14.
 27. *Bucchi M., Trench B.* Science Communication and Science in Society: A Conceptual Review in Ten Keywords, *Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies*, 2016, no. 7 (2), pp. 151–168.
 28. *Luhmann N.* Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp Verlag. 1998.
 29. *Iyengar S., Massey D. S.* (2019). Scientific communication in a post-truth society. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 116 (16), 7656–7661.
 30. *Merton R.K., Barber E.* The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
 31. *Oxford English Dictionary.* Post-truth. [Электронный ресурс]. https://www.oed.com/dictionary/post-truth_adj?tab=meaning_and_use-paywall (дата обращения: 21.11.2025).
 32. *Schäfer M.S., Metag J.* (2021). Audiences of science communication between pluralisation, fragmentation and polarisation. In B. Trench (Ed.), *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology* (pp. 291–304). London; New York: Routledge.
 33. *Scheufele D.A.* (2014). Science communication as political communication. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111, 13585–13592.

References

1. *Astakhova A.S.* Public Representation of the Professional Community: Popularization Of Science And Public Debate // *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, no. 3, pp. 179–189. (In Russian)
2. *Bondarko A.V.* Modality in the system of categorical units // *Modal'nost' v yazyke i rechi: novye podkhody k izucheniyu: sb. nauchn. tr. [Modality in language and speech: new approaches to study: proc. of the scientific papers]*. Kaliningrad: RSU of I. Kant publ. 2008, pp. 21–34. (In Russian)
3. *Boldin P.N.* A semiotic approach to solving the problem of the status of theoretical knowledge // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: Coll. of Scient. Art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 20–22. (In Russian)
4. *Golubinskaya A.V.* Forms of fixing uncertainty in science, or what the environmental crisis and critical thinking have in common [Текст] // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: Coll. of Scient. Art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 23–27. (In Russian)
5. *Dorozhkin A.M.* Situations of uncertainty in epistemological constructivism // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: Coll. of Scient. Art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 23–27. (In Russian)
6. *Zharov A.M.* The dynamics of knowledge: an evolutionary analysis of theories of scientific development // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science.]*. 2024, vol. 80, pp. 34–44.
7. *Zharov A.M.* Metaphor as a factor in the evolutionary variability of scientific theories // *Antinomiya [Antinomies]*. 2024, vol. 24, no. 2, pp. 7–25.

8. Zaladina M.V. Utopia as a person's search for a way out of alienation // *Nauka, tekhnologii i cennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: Coll. of Scient. Art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 245–247. (In Russian)
9. Ishchenko E.N. Theory and practice in the context of visual studies: history and modernity // *Nauka, tekhnologii i cennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 247–250. (In Russian)
10. Kasavin I.T., Yastreb N.A., Shapovalova L.V. *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: sbornik nauchnykh statej [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024. 939 p. (In Russian)
11. Keosidi I.I. The applicability of the concept of a 'computational leviathan' in the context of algorithmisation of social process management // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 253–257. (In Russian)
12. Krut'ko D.Yu. Experimentation in contemporary scientific discourse: the cluster method and the status of reality // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 38–41. (In Russian)
13. Miloslavov A.S. Distributed knowledge as an area of collective responsibility for the scientific community: the communicative aspect // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 674–677. (In Russian)
14. Pogozhina N.N. Communicative and epistemological conditions for the production and dissemination of scientific knowledge in the modern world // *Informatsiya — Kommunikatsiya — Obshchestvo [Information — Communication — Society]*. 2025, vol. 1, pp. 352–355. (In Russian)
15. Pogozhina N.N. The Normativity of Scientific Truth: An Analysis of Contemporary Conventions // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 908–910. (In Russian)
16. Pogozhina N.N. Progress in the Socio-Humanitarian Perspective / Edited by O.E. Stolyarova // *Voprosy filosofii [Issues in Philosophy]*. 2024, vol. 5, pp. 219–221. (In Russian)
17. Pred`yavlenie nauchnogo znaniya v dialoge media: konteksty, tekhnologii i yazykovye tekhniki: Kollektivnaya monografiya [Presentation of scientific knowledge in media dialogue: contexts, technologies and linguistic techniques: Collective monograph]. Saint-Petersburg, Mediapapir, 2023. 223 p. (In Russian)
18. Rysakova P.I. Strategies for popularising science in the digital media environment // *Medialingvistika [Media-linguistics]*. 2022, vol. 9, no. 4, pp. 309–329. DOI: 10.21638/spbu22.2022.402. (In Russian)
19. Sokolova T.D. Epistemic injustice: two perspectives on scientific communication // *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]*. 2025, vol. 62, no. 2, pp. 56–63. DOI: 10.5840/eps202562221 (In Russian)
20. Suslov I.V. The phenomenon of dissent in Jürgen Habermas' communicative paradigm // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 298–301. (In Russian)
21. Tsurkan E.G. Models of science communication in society: deficit, dialogue, participation // *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]*. 2025, vol. 62, no. 2, pp. 19–31. DOI: 10.5840/eps202562217 (In Russian)
22. Chernikova I.V. On the influence of science on the cultural codes of the digital age // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 53–57. (In Russian)
23. Shaposhnikova Yu.V. Philosophy and Society: The Need for Dialogue and the Problem of Communication // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 715–718. (In Russian)
24. Shipovalova L.V. Public scientific communication — the problem of conceptual uncertainty // *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 718–721. (In Russian)
25. Elbakyan A.A. Technologies for open access to scientific knowledge: the value aspect // *Nauka, tekhnologii i cennosti v neustojchivom mire: Sb. nauchn. st. [Science, Technology and Values in an Unstable World: coll. of scient. art.]*. Moscow, Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024, pp. 60–64. (In Russian)
26. Bucchi M., Trench B. "Science Communication Research: Themes and Challenges", in: Bucchi M., Trench B. (eds.) *Routledge Hand book of Public Communication of Science and Technology*. New York: Routledge, 2014, no. 2, pp. 1–14.
27. Bucchi M., Trench B. Science Communication and Science in Society: A Conceptual Review in Ten Keywords, *Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies*, 2016, no. 7 (2), pp. 151–168.
28. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp Verlag. 1998.
29. Iyengar S., Massey D.S. (2019). Scientific communication in a post-truth society. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 116 (16), 7656–7661.
30. Merton R.K., Barber E. *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
31. Oxford English Dictionary. Post-truth. [Электронный ресурс]. https://www.oed.com/dictionary/post-truth_adj?tab=meaning_and_use-paywall (accessed: 21.11.2025).
32. Schäfer M.S., Metag J. (2021). Audiences of science communication between pluralisation, fragmentation and polarisation. In B. Trench (Ed.), *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology* (pp. 291–304). London; New York: Routledge.
33. Scheufele D.A. (2014). Science communication as political communication. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111, 13585–13592.